

РЕЦЕНЗИИ И АНОТАЦИИ

DOI 10.24412/2076-8176-2021-3-150-155

Живее всех живых: Чарлз Дарвин в современной массовой культуре¹

М.В. Винарский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; radix.vinarski@gmail.com

В переводе на русский название рецензируемой монографии звучит так: «Дарвиновские парадигмы. Миф эволюционной теории в современной культуре». Такой подзаголовок, если понимать его буквально, иного читателя может ввести в соблазн, поэтому необходимо сразу же сказать, что эта книга не имеет ничего общего с креационизмом и креационистской литературой, пытающейся «разоблачить» эволюционную теорию. Слово «миф» в данном контексте употреблено не в значении выдумки или баснословия, а в более глубоком и тонком смысле. По мнению автора, польского литературоведа Доминики Орамус, профессора Варшавского университета, в современной наукоцентрической цивилизации научная картина мира («теория всего») функционально занимает место, которое в патриархальные времена занимал миф о Творении – миф как священная история, повествующая о том, «откуда всё взялось» и «как мы произошли». Сейчас, когда уже мало кто верит в буквальный смысл древних космогонических мифов, не исключая и ветхозаветный, опустевшее место заняли «нарративы», создаваемые естествоиспытателями, такие как история Большого взрыва, происхождения и эволюции жизни на Земле, история рода человеческого. В ряду творцов этих современных мифов Чарлз Дарвин занимает едва ли не центральное место. Это – воплощённый архетип «великого учёного»: ересиарх, потрясатель основ, творец «парадигм»², путешественник, ко-

¹ Рецензия на книгу: Oramus D. Darwinowskie paradygmaty. Mit teorii ewolucji w kulturze współczesnej. Kraków: Copernicus Center, 2015. 398 str.

² Этот термин используется в монографии в его классическом, «куновском» смысле.

торый в современном массовом сознании явно или неявно потеснил ветхозаветного Моисея, повествователя священных преданий «о началах». Именно Дарвин предложил человечеству новый, альтернативный библейскому, взгляд на происхождение мира и *Homo sapiens*, а что может быть интереснее для людей, чем они сами?

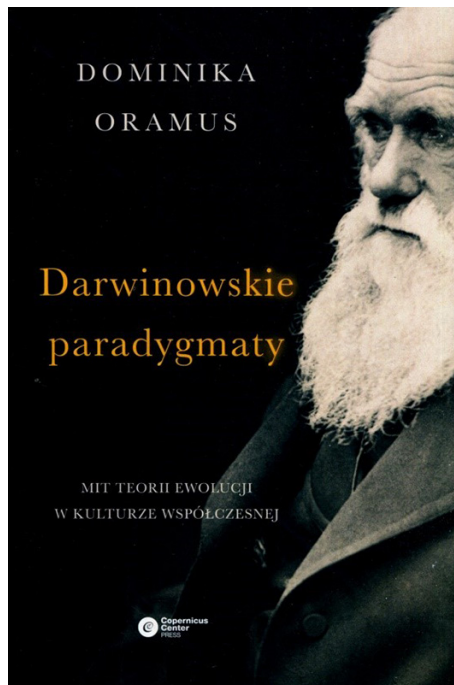
Взгляд Доминики Орамус – это взгляд культуролога, а не историка идей, что и определило методологию исследования:

Чтобы продемонстрировать функционирование мифа о Чарлзе Дарвине в современном мире я буду обращаться как к науковедческим, так и к культурологическим трудам, а также анализировать разнообразные дискурсы, рассматривая, например, популярные биографические фильмы о Дарвине наравне с научно-популярными изложениями антропогенеза, поскольку рассматриваю две эти разновидности текстов как равнозначные в контексте исследуемого явления (с. 7).

Восемь глав, из которых состоит монография, тематически можно разделить на две части. В начальных главах исследователь рассматривает мифологизацию образа Чарлза Дарвина в художественных и научно-популярных книгах и фильмах, а во второй, более объёмистой части – прямое и опосредованное влияние дарвиновских идей в самых разных сферах современной массовой культуры – научной (и околонаучной) фантастике, научно-популярной литературе, кинематографе.

Хотя биография Дарвина в целом небогата яркими событиями (если не считать кругосветное путешествие на корабле «Бигл»), авторы биографических книг и фильмов немало потрудились над созданием дарвиновского «мифа», который, с некоторыми вариациями, переходит из одного произведения в другое. Обсуждению этого посвящена вторая глава «Дарвин – мифический герой», возможно, наиболее содержательная и интересная для историка биологии. Мифологический Дарвин становится современным вариантом культурного героя – «великого человека», открывшего людям Истину. Мифологизации подвергаются основные события его жизни – путешествие на «Бигле», женитьба и семейные дела, обстоятельства сделанного им великого открытия, даже его мирная кончина в Дауне. Отблеск этого падает и на других персонажей, сыгравших большую роль в биографии Дарвина, например, капитана «Бигля» Роберта Фиц-Роя и, конечно же, верной и религиозной Эммы Дарвин. Они тоже становятся неотъемлемой частью дарвиновского биографического мифа:

Все биографы и современники-мемуаристы изображают супружескую жизнь Эммы и Чарлза как необычайно удачную, их семейное счастье становится постоянным элементом



мифа о Дарвине. Эмма в попкультуре превратилась в настоящую Пенелопу (хотя они появились спустя несколько лет после возвращения «Бигла», ожидание мужа не стало её идеалом), которую описывают как идеал заботливой и толерантной жены, помогающей изданию сочинения, идеологически противоречащего её убеждениям (с. 233).

Доминика Орамус показывает далее, как этот идеальный образ получает соответствующую «научнообразную» трактовку в книгах современных авторов, пишущих о психологии семьи и брака для широкой публики. Один из них, учёный и журналист Роберт Райт, автор бестселлера «Моральное животное», пытается истолковать счастливую семейную жизнь четы Дарвинов с точки зрения эволюционной психологии³. С его точки зрения, Эмма, как женщина разумная и трезвомыслящая, выбрала Чарлза, подсознательно определив, что:

Он вероятно имеет хорошие гены и создаётся впечатление, что, в качестве отца, он станет щедрым и заботливым “инвестором”. Она имела достаточно здравого смысла, чтобы создать у своего суженого впечатление о себе как о женщине сдержанной, честной, которая будет хранить верность мужу и хорошо воспитывать детей (поэтому она вела себя холодно и не спешила после помолвки). А Чарлз, наоборот, был нетерпелив, женился на ней с большой охотой и уже через несколько недель после свадьбы стал размышлять, как с эволюционной точки зрения объяснить тот факт, что мужчине доставляет удовольствие его доброе отношение к жене и детям (там же).

Это только один, выбранный мной наудачу, пример прямого влияния дарвиновского учения на культуру нашего времени, из большого числа представленных в рецензируемой монографии.

Можно сказать, что реальное содержание книги одновременно и уже и шире главая. Уже – потому, что под современной массовой культурой в ней понимается в первую очередь массовая культура англоязычного мира. Практически все приводимые примеры и обсуждаемые произведения относятся к англоязычной литературе, что не должно удивлять, поскольку научная специализация Доминики Орамус – это английская литература XX в. и поэтика постмодернизма. Некоторые из рассматриваемых авторов (Герберт Уэллс, Курт Воннегут) общеизвестны, имена же других могут сказать что-либо лишь искущённым знатокам. Из представителей других литератур кратко обсуждаются книги Карела Чапека, Пьера Буля, Станислава Лема. Многие из рассматриваемых в работе художественных произведений на русском языке не издавались, о чем даже можно пожалеть, читая пересказы некоторых из них в книге Орамус. Например, очень любопытны постмодернистские «реконструкции» того, что «на самом деле» происходило во время плавания на «Бигле». Этому посвящено несколько романов, написанных австралийскими и английскими писателями, стремящимися – средствами художественной и документальной литературы – пересмотреть канонические представления об этом знаменитом путешествии. Авторы показывают нам Дарвина и его научную работу глазами его спутников и помощников. Все эти персонажи историчны. В одном романе главным героем является капитан Фиц-Рой, в другом – Симс Ковингтон, или «стрелок мистера Дарвина», его ассистент, занимавшийся добыванием и препаровкой животных.

³ Райт Р. 2020. Моральное животное. М.: АСТ. 512 с. Д. Орамус цитирует её в польском переводе.

Писатель Джон Дарнтон в своём романе «Заговор Дарвина» (“The Darwin’s conspiracy”, 2005) обращается к фигуре Роберта Мак-Кормика – «официально-го» натуралиста на «Бигле», прикомандированного к судну Адмиралтейством. По официальной версии Мак-Кормик покинул «Бигл» в первом же порту, поссорившись с командой. В романе Дарнтон Мак-Кормик продолжает путь, сопровождая Дарвина во всех его исследовательских поездках во время плавания, хотя отношения их были далеки от идиллических. Оба исследователя якобы, во время пребывания на Огненной Земле, услышали от местного вождя местное предание о происхождении всего живого, натолкнувшего их на мысль о теории эволюции. Так возникло соперничество из-за того, что каждый рассчитывал, по возвращении в Англию, опубликовать великий научный труд, который «сделает его знаменитым, богатым, и он войдет в историю как гений — надо лишь избавиться от возможного соперника» (с. 91). Уже на обратном пути, когда оба натуралиста отправились экскурсировать по одному из островов, Мак-Кормик погибает, упав в кратер вулкана. Так, во всяком случае, сообщил Фиц-Рою Дарвин. В романе Дарнтон это вымышленное происшествие открывает целую серию позднейших событий, составивших «заговор Дарвина», сплетённый из обманов, фальсификаций и конфликтов. Фиц-Рой, знавший о «взаимной ненависти двух натуралистов», сомневается в правдивости версии Дарвина, который:

<...> не только помог Мак-Кормику упасть в кратер (или, точнее, не помешал ему упасть), но также, много лет спустя, должен был иметь дело с Уоллесом, который тоже хотел обнародовать открытую им теорию... Уоллес дознался, что Дарвин познакомился с американским преданием и затем написал “О происхождении видов», и в течение долгого времени шантажировал, угрожая разоблачением в плагиате (там же)⁴.

В этом романе, насколько можно судить о нём по пересказу Доминики Орамус, Дарвин предстает как личность малосимпатичная. Завистливый⁵, двуличный, даже жестокий, он вынужден постоянно обманывать, редактировать собственные путевые дневники, старательно вычищая о них любые упоминания о Мак-Кормике, и даже «платить за молчание» Фиц-Рою и Уоллесу (там же). Дарнтон эксплуатирует популярный сегодня жанр «альтернативной истории», развенчивая и намеренно «снижая» образы исторических деятелей, стремясь как будто показывать их максимально непохожими на привычные биографические очерки из учебников.

Но, хотя англоязычная массовая культура успешно стремится доминировать в современном глобализованном мире, всё же было бы неправильно рассматривать её как «массовую культуру вообще». Вполне очевидно, что автор мог бы найти немало материалов для своей книги в популярной литературе, изданной на немецком, французском, русском и других языках. Довольно странно для польского исследователя, что крайне мало использованы научно-фантастические произведения и эс-

⁴ По Дарнтону, Уоллес независимо от Дарвина познакомился с этой легендой, записанной английским миссионером, и тоже пришёл к идее естественного отбора.

⁵ О «соперничестве» и «ревности» Дарвина к Уоллесу пишут (хотя и в гораздо более сдержанной, академической форме, с большими оговорками) и некоторые историки биологии. См., к примеру, MacKinney H.L. 1972. Wallace and Natural Selection. New Haven-London: Yale University Press, 193 p.

сеистика Лема, который неоднократно — и весьма нетривиально — обращался к «эволюционным» сюжетам.

С другой стороны, под названием «дарвиновских парадигм» автор обсуждает довольно большое число научных и квазинаучных идей, которые даже с натяжкой трудно назвать дарвиновскими. Например, довольно много места (с. 239–252) уделено такой тематике, как деволуция, т. е. эволюционное «вырождение» (противопоставляемое эволюционному «прогрессу»), о чём Дарвин если и высказывался, то коротко и вскользь. Дискурс вырождения принадлежит скорее сферам евгеники и социал-дарвинизма, чем оригинальной эволюционной теории, разработанной Дарвином. Вся седьмая глава посвящена генам, мутациям и отдаленному будущему человеческой расы, как оно видится авторам *pulp fiction*. Это тоже совершенно не дарвинова проблематика. В книге обсуждаются социобиология, современные концепции антропогенеза в их «обыденном» восприятии, этология, теория «эгоистичного гена» Р. Докинза и т. п. Но на подобное возражение Доминика Орамус может дать ответ. В предисловии к своей монографии она специально поясняет, что употребляемые в ней термины «дарвиновский» и «дарвинизм» следует понимать не в их узко техническом значении, а, скорее, с точки зрения потребителя массовой культуры, для которого слова «Дарвин» и «эволюция» — практически синонимичны. «Дарвинизм», исследуемый в книге, это не дарвинизм университетского учебника. Скорее это — «профанное» представление об эволюции жизни и человека, сформированное всеобщим школьным образованием, научно-популярными книгами и телепередачами и — в конечном итоге — всё той же массовой культурой. Впрочем, последней дело вовсе не ограничивается. Восьмая глава книги, озаглавленная «Дарвиновские парадигмы и вопросы метафизики», посвящена уже довольно эзотерическим проблемам современной теологии и философии. Однако и здесь автор остаётся верен своей научной специализации, подробно рассматривая такую тему, как «Дарвин и Бог в современном английском романе».

Монография Доминики Орамус относится к популярному в мировом дарвиноведении направлению — исследованию влияния идей Чарлза Дарвина на различные сферы культуры, в том числе и вненаучные — философию, социологию, богословие, изящную словесность⁶. В отечественной истории биологии (а также литературоведении и культурологии) подобного рода исследования, особенно монографические, до сих пор редки. Безусловно, «Дарвиновские парадигмы» могут быть интересны и полезны российским историкам биологии, поскольку содержат большой массив фактов из малоизвестной у нас области современной культуры. Весьма любопытны наблюдения автора за тем, как создавался биографический миф о Дарвине в прошлом и как он функционирует в наши дни. Было бы поучительно применить используемый в книге методический подход к исследованию «массового сознания» современных россиян — создателей и потребителей произведений массовой культуры. Однако то, что книга издана на польском языке и крайне небольшим тиражом,

⁶ Как примеры подобных работ можно привести: Carroll J. (2004). *Literary Darwinism: Evolution, human nature, and literature*. New York and London: Routledge. 282 p.; Hodge M.J.S., Radick G. (eds.). (2009). *The Cambridge Companion to Darwin*. Cambridge etc: Cambridge University Press. 520 p.; Page M.R. (2012) *The literary imagination from Erasmus Darwin to H.G. Wells: science, evolution, and ecology*. Farnham: Ashgate Publishing Ltd. 224 p. Glick T.F., Shaffer E. (eds.). (2014). *The Literary and Cultural Reception of Charles Darwin in Europe*. Vol. 3, 4. London etc.: Bloomsbury. 723 p.

создаёт вполне очевидный барьер для её прочтения и усвоения потенциальными читателями в нашей стране.

More Alive than the Living: Charles Darwin in Modern Popular Culture

MAXIM V. VINARSKI

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; radix.vinarski@gmail.com

A monograph “Darwinian paradigms: The evolutionary myth in modern culture” (Darwinowskie paradygmaty. Mit teorii ewolucji w kulturze współczesnej. Kraków: Copernicus center, 2015. 398 pages) by Dominica Oramus is reviewed. The author provides the readers with a comprehensive picture of “evolutionary” plots in contemporary mass culture (chiefly English-speaking), with an emphasis on fiction, pop science books, and movies. It is shown that Darwin’s biography has been subjected to extensive “mythologisation”, and his ideas have influenced very diverse fields of modern non-scientific discourse.

Keywords: Darwin, popular culture, modern mythology, scientific biography.